

РОССИЯ И ЕВРЕИ

I

Довольно затруднительно упомянуть в заглавии о евреях и не встретиться с обвинением в антисемитизме, притом — сразу с двух сторон: со стороны евреев и со стороны русских. В самом деле, среди разорвавших или надорвавших свою связь с еврейством, как религиозно-культурным целым, евреев, среди евреев ассимилирующихся и ассимилируемых мы наталкиваемся на чрезвычайно обостренное и болезненное чувство стыда за свое еврейское происхождение. Конечно, они сами будут это решительно отвергать, по факта оправдаться нельзя, хотя бы и не хотели его видеть. Мне стыдно за стыдящихся своего еврейства евреев, как должно быть стыдно за них и всякому хорошему еврею: но тут ничего не поделаешь. По человечеству надо войти в их положение, т. е. в положение стыдящихся своего еврейского происхождения.

Они ассимилируются, хотя и не до конца, т. е. не сливаюсь всецело с окружающей их национальной культурой и не становясь ее органическими клетками. Они оставляют и даже отвергают свою прежнюю еврейскую культуру ради культуры «общечеловеческой». Само собой разумеется, что есть евреи ассимилированные и вполне, т. е. неродившиеся из евреев во французов, немцев, русских всецело и до конца. Таких евреев нельзя уже и называть евреями, хотя бы они и носили еврейские фамилии и отличались еврейскими чертами своей внешности, и не о них я сейчас говорю. В применении к ним не может и не должно быть никакого «еврейского вопроса». Но этот тип сравнительно редок и существование его связано с большими трудностями *). Мы же говорим о дру-

*.) Одним из существенных признаков такого вполне ассимилированного еврея служит искреннее принятие им другой религии. С религиозной точки зрения для настоящего еврея принятие им христианства не может быть только индивидуальным. Ведь это значит, что пришел обетованый прежде всего евреи-

гом типе (именно о типе, а не о евреях индивидуумах и не о какой то совокупности их, ибо индивидуум всегда выражает тип «более или менее», может выражать в себе, разнообразно сливая их, разные типы и тип не может быть тождественен с определимой внешне группой), о типе не до конца ассимилирующегося еврея, ассимилирующегося, не ассимилированного, о типе «еврея на перепутье».

Ассимилирующийся еврей должен более или менее отчетливо сознавать, что есть некоторое внутреннее противоречие в замене религиозно-национальной культуры еврейства какою-нибудь ограниченно-национальной культурою, которая чаще всего не обладает свойственною еврейству идею универсализма, особой предизбранности, первенствующего положения среди народов мира, миссионства и мессианства. Он может обмануться и принять внешний размах и силу, империализм или капитализм, данной национальной культуры за ее универсальное значение. Но по существу он остается чуждым всему частному и национально-ограниченному и отрицает все национальное, именно как ограниченное и частное. Перестать быть евреем для того, чтобы стать французом, немцем или русским, значит для него променять, подобно Исаю, первородство на чечевичную похлебку. И как сочетать отказ от исключительного значения еврейского народа с признанием того, что пришел Мессия, который должен прийти прежде всего для народа еврейского? Преодолеть родное еврейство и стать националистом в среде другого народа, отвергнуть еврейского Мессию и признать Мессию пришедшего для других... да, это ужаснейшая, не находящая своего катарсиса (разрешения) трагедия. Уж лучше о ней не думать, лучше чемнибудь ее заглушить! Она и действительно заглушается, если еврейство променяется на «общечеловеческую» культуру и еврейская религия — на религию универсальную. К несчастью, понятия «общечеловеческого» и «универсального» в этом случае являются понятиями мнимыми и даже не соответствующими универсализму исконного, подлинного еврейства.

Вот почему ассимилирующийся и отрывавшийся от своего народа еврей неизбежно становится абстрактным космополитом. Он

ском у народа Мессия и что пришел он не для отдельных индивидуумов, а для всего еврейского народа. Потому обращающийся в христианство еврей должен остаться обращенным к своему народу, как к нему посыпаемый Христом ученик и апостол. Он должен уповать на еврейскую христианскую церковь, а не растворяться в «эллинской» (Слова ап. Павла Гал. 3, 27, см. дальше — обычно толкуются неправильно: национально-культурных особенностей и ценности их ая. Павел не отвергал). Конечно, есть еще и евреи, лишь «случайно» рожденные в еврействе, а по существу природные христиане. Для них мыслим и естественен даже только индивидуальный переход. — Аналогичным образом надо понимать и чисто-культурный переход еврея от еврейской культуры к одной из христианских.

не находит себе места ни в одном народе, и остается в пространстве между нациями, интернационалист. Он исповедует ненациональные идеалы, которые кажутся ему ограниченными и частными, но идеалы «общечеловеческие», которые вне своих национальных индивидуаций абстрактны, безжизнены и вредоносны. В политике он симпатизирует к идеям отвлеченного равенства и отвлеченной свободы, т. е. является демократом, к тому же, по отсутствию связи с конкретной и потому всегда национальной действительностью и по свойству своего ума, радикальным демократом. В сфере проблем политico-социальных он превращается в социалиста, к тому же в наиболее бесстрашного по своей последовательности и наиболее систематического, т. е. в «научного» социалиста и в коммуниста. Только этим путем может он сохранить остатки своего национального еврейского универсализма и своей национальной универсалистической религии, хотя и не без существенного искажения того и другого. Нет ни малейших оснований понимать мою мысль так, будто ассимилирующийся еврей всегда и везде до конца осуществляет внутреннюю диалектику своей природы, будто он, например, обязательно делается явным и сознательным врагом всего национального. Он может допускать и признавать национальное, даже ревновать лаврам лорда Биконфильда. Но, если он последователен, он приемлет национальное, как нечто вторичное, несущественное, как некоторую, может быть — и неизбежную, но не безусловно ценную акциденцию. Во всяком случае, он склонен понимать национальное в отрыве от религии, подставляя на ее место расу или секуляризованную культуру, государственность или чтонибудь подобное. Важно, что общечеловеческая культура предносится ему не как симфоническое единство частных и национальных культур. Ведь такое единство по необходимости иерархично и первое место в нем для всякого данного момента (да и вообще) должно принадлежать какой-нибудь одной национальной культуре. А легко ли евреею отречься от веры в вечное первенство культуры еврейской? Не даром же даже разорвавшие с еврейским народом евреи с особым вниманием относятся к успехам именно евреев, говорят, часто не без высокомерия, об одаренности еврейского народа, создают репутацию ученым, литераторам, художникам из евреев. В России приходилось за годы революции встречаться с такими фактами, что еврей-христианин, резко враждебный всякой революции и всякому социализму, не мог скрыть своего удовольствия при виде талантов и успехов еврея Троцкого. Говорю не в осуждение, тем более, что и сам считал Троцкого человеком талантливым, а в объяснение, и не считаю нужным скрывать добросовестно и беспристрастно наблюдаемые мною факты.

Итакъ, ассимилирующийся еврей по существу своему интернациона-

листичен и абстрактен. В этом последней связь его с еврейством, которое самото не интернационалистиично и не абстрактно. Порвав эту связь, он теряет свою специфичность и растворяется в мире чуждой ему культуры, иногда — становится ее живою клеточкой. Именно чужеродностью ассимилирующегося еврея всякой органической и потому национальной культуре об'ясняется тот факт, что в ней евреям припадают лишь вторые и третьи места. Ни в философии (за исключением может быть Спинозы), ни в науке, ни в искусстве евреям руководящей роли не принадлежало. Это не свидетельство против одаренности еврейского народа, ибо из него выходили древние пророки, в его среде появилась Библия и его гений отразился в Каббале. Но еврей, как и человек всякой другой культуры, может создавать великое и оригинальное, только в сфере своей же культуры, а никак не в отрыве от нее.

Интернационализм и абстрактность существенно противоречат духу всякой живой органической культуры. Они возможны, как страшные призраки, только на почве ее разложения. Они должны наталкиваться на сопротивление со стороны здоровых ее элементов тем более решительное, чем здоровее культура. (Пропагу читателя ис передергивать и ис приписывать мне призыва к погромам). Да, ведь и сами ассимилирующиеся евреи должны быть после всего сказанного нами поняты, как продукты разлагающейся периферии еврейской культуры. (Говорю не «еврейской культуры», а «ее периферии», ибо самое еврейскую культуру считаю живою и органичною и умею ценить ее не менее, чем ценят ее ассимилирующиеся). Вот эта то вечная взаимная борьба, иногда глухая, иногда явная, между здоровыми элементами культуры и ассимилирующимися евреями и об'ясняет, почему такие евреи чувствуют себя всегда обиженными, угнетенными, почему они всегда насторожены и болезненно чувствительны, почему волнуются только услышав слово «еврей». Не легко вечно оставаться на вторых местах и еще чувствовать об'ективную, но часто конкретно неуловимую, враждебность к себе со стороны «акциденций» об'щечеловеческой культуры. Тут и революционером сделасься. А еврей ассилирующийся и без того по самой природе своей — революционер. Ибо он — враг органической национальной культуры, которая ему мешает и его теснит, и естественный союзник разлагающих ее «революционных» процессов. Ибо он еще сохранил в себе пламенный, устремленный к последнему и абсолютному, ни перед чем не останавливающийся религиозный порыв еврейского народа, закованную в алмазные цепи тончайшей силлогистики расплавленную стихию. Принято об'яснять революционность рассматриваемого типа еврееввшими условиями: гонениями, ограничениями, погро-

мами и т. д. Но все это лишь следствия и внешниеоказательства указываемого нами основного факта.

Начав с об'яснения, почему заглавие нашей статьи подозрительно для многих евреев, мы не об'яснили еще, почему оно подозрительно и для многих русских. Почему и им употребление слова «еврей» часто кажется признаком «антисемитизма»? почему и их оно, во всяком случае, настораживает? — Русский человек живет под ужасным гнетом впечатлений от активного, грубого и чревного антисемитизма, который напел себе достаточно отвратительное выражение и в погромах, и в «кровавом навете», и в атмосфере мероприятий и в самих мероприятиях старого русского правительства. Правда, волна антисемитизма началась не в центре России, а в сфере, либо входившей в пределы католической Польши, либо католически-польскими влияниями обусловленной. Но это — плохое утешение, тем более, что любители сошлются на черту оседлости. Как бы то ни было, русский человек стеснен в свободе суждения, ибо он не в силах отделаться — и хорошо, что не в силах! — от чувства жгучего стыда за многое в нашем недавнем прошлом. Вместе с тем он более или менее смутно сознает, иногда даже в самом себе, враждебность его национальной русской стихии к еврею-космополиту и к тому же не думает, что не всякий еврей относится к этому типу. Он сознает далее второстепенное положение еврея (еврея-космополита) в развитии русской культуры, положение его, как «русского второго разряда». Чувство справедливости возмущается в нем, тем с большою силою, чём меньше он осмысливает факт. Это чувство делает его беззащитным перед «еврейским общественным мнением» и неспособным правильно поставить и разрешить еврейский вопрос или, вернее, еврейские в опросы.

2

Проведем прежде всего некоторые различия, выше уже намеченные. Мы различаем: 1) религиозно-национальное и религиозно-культурное еврейство, еврейский народ, который составляет одно и единое культурно-религиозное целое, несмотря на то, что рассеян и разделен по разным культурам и народам и в пределах каждой или каждого из них образует или может образовывать частное и специфическое целое, и 2) периферию евреиства, которая, отрываясь от своего народа, своей религии и культуры, денационализируется и ассимилируется: а среди этой периферии — а) евреев, совершивших ассимилированных тою либо ипюю национальную культурою и ставших живыми и органическими ее индивидуациями, и б) евреев интернационалистов по существу и революционеров по природе.

Вот об этом последнем типе евреев (2 б) мы до сих пор и говорили. В отношении к нему один из источников современного антисемитизма, по признанию того, что он существует, описание отличительных его черт и попытка раскрыть его внутреннюю диалектику, даже оценка его с точки зрения религиозных и культурных ценностей являются не антисемитизмом, а научно-философскими познавательными процессами. Научное познание не может быть запрещено и опровергнуто на том основании, что приходит к выводам, для первозных ее неприятным. Хотя это из всего сказанного вполне ясно, я считаю нужным настоятельно указать, что, анализируя и оценивая указанный тип, говорю не о всех типах еврея, не о «евреях вообще» и не о всех евреях. Если оценка моя оказывается неблагоприятной и неприятной, я столь же не считаю себя врагом и хулителем евреев, сколь не считаю себя врагом и хулителем русских, когда осуждаю еврейские погромы и коммунистическую чеку (конечно и — всякую чеку и коммунизм; к сожалению, приемы «демократической» полемики вынуждают к подобным стилистическим и по существу излишним оговоркам). Ведь нельзя же, в самом деле, считать всех евреев святыми, мудрыми и духовно здоровыми.

Еще одно замечание. — Говорю я об известном социалистическом типе. Такой тип всегда есть некоторый идеальный синтез реальных черт, выражаящий их самих и их реальную диалектическую связь, но эмпирически воплощающийся лишь в некоторых к нему приближениях. Таким образом тип никогда не находит себе вполне адекватного выражения в какомнибудь одном индивидууме; но одни индивидуумы более или менее ясно выражают его структуру и диалектику, другие — отдельные его черты. Кроме того, он оказывается и в общих, «коллективно-социальных» тенденциях развития. Эмпирически в одном и том же индивидууме часто происходит скрещивание разных типов. И конечно, в жизни дан целый ряд неуловимых переходов от религиозного еврея, как живой индивидуации еврейского народа, к еврею ассимилирующемуся и к еврею, переродившемуся в живую индивидуацию не-еврейской национальной культуры. Но это не значит, что типа нет и что он не соответствует определенной социально-психологической группе*).

Тип ассимилирующегося еврея определяется идеологией абстрактного космополитизма или интернационализма, индивидуалистическими тенденциями в сфере политических и социальных проблем (демократизмом, социализмом, коммунизмом), активностью,

*) Теоретическое обоснование этого см. в моей «Философии истории», Берлин 1923; а опыты исторического применения в моих исторических работах.

направленною на абстрактные и предельные идеалы и не знающею границ, т. е. утопизмом и революционностью, а потому нигилистическою разрушительностью. Все эти черты, характерные, и даже часто в указанном сочетании характерные не только для еврея, у еврея специфически окрашены и индивидуализированы его «*прородилым*» — его происхождением и «*проремежуточностью*». Ибо он уже не еврей, но еще и не «не-еврей», а некое промежуточное существо, «культурная амфибия», почему его одинаково обижает и то, когда его называют евреем, и то, когда его евреем не считают. (Прежде чем притираться к этой характеристике и победоносно отвергать отличие евреев интернационалистов и революционеров от интернационалистов и революционеров не еврейского происхождения, советую читателю перечитать §1, а еще лучше — дочитать статью до конца). В религиозности своей (а он не всегда явно и сознательно религиозен) ассилирующийся еврей универсалистичен, сродствуя католичеству, и материалистичен, в материализм искающая конкретность европейской религии. Этот тип является врагом всякой национальной органической культуры (в том числе и еврейской). Ему чужда и непонятна идея соборности, раскрываемая Православием, но укорененная в религиозном сознании еврейства (*«Израиль», Kahal*), и ее-то он и искащет в идею абстрактного универсализма. Этот тип не опасен для здоровой культуры и в здоровой культуре не действенен. Но лишь только культура начинает заболевать или разлагаться, как он быстро просачивается в образующиеся трещины, сливается с продуктами ее распада и ферментами ее разложения, ускоряет темп процесса, специфически его окрашивает и становится уже реально опасностью.

В XVIII-м веке европейская культура вступила в период индивидуалистического распада. Это сказалось, между прочим, в расцвете рационалистических-демократических идей (немного позже — капитализма) и утопического, спачала даже явно религиозного, социализма. Здесь именно и проявилась активность рассматриваемого нами типа. Отрываясь от еврейства, ассилирующиеся евреи стали широкими волнами вливаться в европейскую культуру. Они сливались с европейским капиталистическим миром, его радикализируя, и, с другой стороны, с европейскими демократическими, а еще более — социалистическими течениями. Не они их вызывали к жизни, но они, в полном соответствии с тенденциями этих течений, способствовали тому, что эти течения становились все более радикальными, революционными, абстрактными и материалистическими (ибо это одно и то же, абстрактность и материализм). Так новая фаза европейского социализма связалась с европейскими именами и европейскими чертами. Он утратил прежнюю расплывчатость и прекраснодушие, сделавшись сложной, талмудически разрабатываемою

системою и незаконно монополизировав элитет «научного», и, став боевою и революционною доктриною, превратился в интернациональное движение и универсалистическую абстрактную религию. Произошел о с м о с продуктов распада духов культуры: европейской и еврейской. Какова тут доля вредного влияния со стороны каждого из элементов, сказать, разумеется, очень трудно и даже совсем невозможно без тщательных специальных изысканий. Но для них условия до сих пор крайне неблагоприятны, так как господствуют страсти и пристрастия: у одних стремление во всем обвинить евреев, у других стремление их совершенно обелить. Мы ограничиваемся констатированием общего факта, напоминая, что наша задача не в лечении первых больных.

Вполне понятно, что ассилирующиеся евреи сыграли свою роль, хотя отнюдь не основоположную, и во вредном для русской культуре процессе чрезмерной европеизации. К тому же и европеизм XIX в. не свободен, какъ мы видели, от влияния этих евреев. Коммунизм — только зрелый плод марксизма, освоенный и переработанный исконно русскою стихией большевизма. Интернационализм и материализм русской коммунистической революции, ее мировой размах, ее революционный пафос слишком созвучны и соприродны основным тенденциям денационализированных евреев, чтобы не сделаться для них центрами притяжения, призывными огнями, о которых и суждено им было обжечь себе крылья. Конечно, необходимо покончить с глупою сказкою (или с новым «кровавым наветом» — все меняет свои формы, даже клевета), будто евреи выдумали и осуществили русскую революцию. Надо быть очень необразованным историком и слишком презирать русский народ, чтобы думать, будто евреи могли разрушить русское государство. — Историософия, достойная атамана Краснова, и, кажется, позаимствованная им у Дюма отца, который тоже обвинял в устройстве французской революции графа Калиостро! — Но денационализированные евреи участвовали в русской революции и участвовали в ней в силу самой природы их. Они стали отходить от нее (в лице оппозиции в обоих ее флангах) лишь теперь, вместе с переходом ее к национальной фазе.

И для Европы и для России суть дела, разумеется, не в каком то фантастическом еврейском заговоре и не в факте участия евреев, а в самих процессах разложения, охвативших европейскую культуру и европеизированную русскую государственность. Евреи оказались лишь попутчиками, сошедшими со своего перепутья. Они влились в процесс. Может быть, они даже обострили его и ускорили его темп, но, во всяком случае, значение их безмерно преувеличено. Не будь процессов разложения, они ничего бы не могли сделать. И несчастье России совсем не в денационализированном еврействе, а в тех условиях, благодаря которым и оно могло

оказаться действенным. Потому так и страшны подымающиеся в России волны нового антисемитизма, что не столько действительно вредные, сколько говорливые и суеверные попутчики революции могут оказаться искусительной жертвой. И не только они. — Разыгравшаяся стихия, поглотив их, обрушится и на еврейский народ, уже ни в чем не повинный, так же отрицающий отпавших от него, как и мы их отрицаем. И по нашему твердому убеждению, волны антисемитизма опасны не только для евреев. Они являются грозным испытанием для самого русского народа. Им надо противопоставить не только религиозно-правственную и правовую идею, но и трезвый национальный интерес, ибо преступление народа безнаказанным не остается.

Здесь, впрочем, мы заняты не этою практическою проблемою, а вопросом более общим, хотя с нею теснейшим образом и связанным. — Мы стоим на почве органического понимания культуры, признаем только реальные и конкретные культуры, а общечеловеческую понимаем как реально-конкретное и соборное единство (многоединство) частных. Поэтому денационализирующееся и ассимилирующееся еврейство — наш вечный враг, с которым мы должны бороться так же, как оно борется с нашими национально-культурными ценностями. Это — борьба неустранимая и необходимая. Какие же наилучшие способы и формы борьбы?

Побеждает сильнейший; и первое условие победы самоусиление и саморазвитие. Без этого условия не помогут никакие скорпионы; при выполнении его скорпионы ненужны. Проникнемся, действительно проникнемся сознанием абсолютной, «православной» обоснованности нашей культуры, сознанием ее единства, ее цельности и органичности. Попробуем целостно ее осуществить. Тогда не будет в ней процессов внутреннего разложения, не будет распадов и трещин, точек приложения для чьей либо разрушающей деятельности, сознательной или бессознательной. Тогда не опасны будут ни материализм, ни интернационализм, ни социализм, ни все прочие подрывные идеи и гипотезы. Их просто не будет, как действенных сил разложения, и у денационализированного еврейства окажется отнятою почва для вредной деятельности, вернее — для соучастия во вредной деятельности.

Конечно, здоровая государственность предполагает активную борьбу с культурно-вредными течениями. Такая борьба вестись должна, и она будет вестись. Но ведь мы установили, что гибельные потенции и ассимилирующееся еврейство становятся действительными, актуальными не сами по себе и из себя, а только при реальной наличности однородных им тенденций в самой культуре. В реальном вредном для культуры течении уже произошел осмос еврейского с национальным, и с ним, этим течением, приходится бо-

реться как с целым. Оно не будет уничтожено тем, что доступ в него евреям будет закрыт, если бы даже такая фантастическая идея относилась к области осуществимого. От этого оно не зачахнет, ибо не одними же евреями оно питается. Так борьба с денационализированным еврейством может быть только косвенной и опосредованной.

Но ведь «тын» все такие вреден, хотя бы угрозою антрализации своих потенций, и какая то борьба с ним нужна. Пускай культура здоровья вырабатывает против него здоровые реакции всего своего организма. Она всегда может заболеть, и тогда сразу же подвергнется усугубленной опасности. Разумеется, борьба, честная борьба нужна. Но как она возможна? как бороться с потенциями? и как бороться с «типом»? Эмпирически его нельзя отожествить ни с некоторою определенною категорией людей, ни, тем более, с конкретными индивидуумами. Он практически, как объект прямого воздействия, неуловим. (Прошу читателя не приписывать мне в данном случае чувств сожаления). Ни «черта оседлости», ни особое, хотя бы и самое детальное законодательство о евреях, ни самый неограниченный административный произвол здесь не помогут. Все это окажется сетью, через которую пройдут самые большие рыбы и в которой погибнут самые маленькие. С другой стороны, все это привнесет самой государственности опаснейший яд бесправия и произвола и в конце концов доведет ее до гибели, ибо государство может длительно существовать только как государство справедливости и правды и не может быть таковым, действуя несправедливо. А какая уже тут справедливость, когда караются потенции, да еще предполагаемые, да еще определяемые по внешним признакам? Сделать же глубоким сердцем всякого милиционерского не в силах никакое государство. Какая там справедливость, когда, поневоле определяя врагов по признаку происхождения, делают своим врагом и преследуют не вредный тип, а весь еврейский народ, который и сам его своим законным ребенком не считает!

Остается, значит, только косвенный и опосредованный метод борьбы. И он, на самом деле, существует. — Если правда, что сам еврейский народ вовсе не тождественен с продуктами распада своей периферии и сам не считает денационализированных евреев истинными евреями, если сознательство данной культуры с этим народом никакой опасности ее развитию не представляет, а я лично во всем этом глубоко убежден, — есть простой и положительный выход. Именно, надо помочь и еврейскому народу в его борьбе с разложением его периферии, помочь путем содействия его религиозно-культурному сохранению и развитию, не механически отсекая от него периферию (это невозмож-

но), а ставя в благоприятные условия развитие подлинного его ядра. Странным образом религиозная метерпийность христианских государств мотивировала борьбу с религиозным еврейством, способствуя в нем процессам распада и делая его из союзника врагом, но питала действительного врага — еврейство отрывающееся от своей религии и культуры. Но и сейчас еще этот враг — общий враг и еврейства и христианства.

3.

Считая религиозно-культурный еврейский народ нашим естественным союзником в борьбе с его денационализирующейся и ассимилирующейся, разлагающейся периферией, я в то же самое время не признаю возможным резкое их разграничение. Граница проходит не между социально-культурными группами и даже не между отдельными людьми, хотя среди них и встречаются довольно яркие представители того либо иного типа, но — внутри всякого индивидуума. Разлагающееся еврейство не только «накожная болезнь» еврейского народа, но в известной мере и его внутренняя болезнь, в здоровом, но внешне не определимом ядре его им преодолеваемая. И если я признаю существенным признаком еврейского народа его религиозность, а наибольшую полноту ее усматриваю в том, что называется еврейской религией в самом точном и строгом смысле слова, я не склонен и здесь проводить слишком резкую границу. Еврей, скептически и даже отрицательно относящийся к вере отцов, еврей, забывший ритуализм и весь быт еврейского народа, еврей сознательно ни во что не верующий, — все же может быть по существу своему религиозным. Часто он извратит свою еврейскую религию в плоскую религию человечества, если в че менее плоскую религию разума. С годами и в нем может заговорить еврейская душа, и окольными путами он направится к вере отцов, подойдет к ней и только не всегда ее узнает. А это значит, что и прежде не совсем угасал в его душе огонь веры, что он всегда был, хотя бы и сам того не сознавал, религиозным евреем. Да и еврейскую периферию можно понять, только поняв извращаемую ею, но еще не угасшую в ней религиозность.

Мы говорим о единстве, целостности, органичности и своеобразии еврейской культуры, именно ею определяя еврейский народ. Но как раз еврейская культура — и в этом величайшее ее достоинство и значение — насказа религиозна, от религии не отделима. Значит, и она, культура, не исчезает вполне вместе с движением еврея от центра еврейства к его периферии, каким бы извращениям она ни подверга-

лась. Да это и само по себе ясно для всякого внимательного наблюдателя, много очевиднее, чем религиозность всякого еврея. «Солидарность» евреев, которая сохраняется, несмотря на тягчайшие испытания и которая устыжает или возмущает другие народы, является живым свидетельством в пользу единства европейской культуры, и единства религиозного. Ведь надо же, наконец, понять, что это не простое единство единоплеменников, а единство детей Авраамовых, кровное единство народа, избранного Богом, носящего на теле своем знамение вечного завета с Богом. Это — Богом освященное и скрепленное кровное единство. Оно сильнее, чем всякое натуральное единство, и оно переживается евреем глубже, чем переживает единство всего «рода христианского» современный христианин, об этом единстве ныне почти забывший.

Так мы принципиально отказываемся от проведения каких либо разрывных разграничительных линий и не считаем таковыми ни соблюдение закона, ни религиозность, ни паспорт. Но отсюда отнюдь не вытекает отказ от различий, от определения разных типов и от их оценки. Я различаю периферию и ядро еврейского народа и говорю об этом ядре, как о самом «еврейском народе» в его наибольшей эмпирической раскрытии и здоровье. В недостаточном различении между ним и его периферией и коренился, на мой взгляд, одно из самых опасных зол всякого антисемитизма, вовсе, конечно, его не оправдывающее.

Еврейский народ наш естественный «союзник» в борьбе с его «периферией». И действительно, преодолевая, выправляя и возвращая ее в себя во имя собственного своего религиозно-культурного идеала, еврейский народ избавляет пашу культуру от вечно предстоящей ей потенциальной опасности. С другой стороны, и мы, путем нашего саморазвития, не допуская того, чтобы эта периферия актуализировалась, помогаем еврейскому народу в его борьбе, а, всемерно содействуя его органическому и нормальному саморазвитию, уничтожаем эту опасность в самом ее корне.

Однако, еврейский народ не только наш союзник, но и наш противник. Еврейство и христианство противостоят друг другу, как притязающие на единственную истинность своего учения, хотя христианство и упирает на то, что все народы (в том числе и евреи) обращаются ко Христу, а еврейский народ, отрицая явление Мессии, верит лишь в победу еврейства, как в первенствующее его положение среди других в се-же спасающих людей религий, и чуждается прозелитизма. Еврейский народ противостоит христианским народам более, чем любая из иных религий. Еврейство связано с христианством одним Мессией, который к евреям пришел и которого они отвергают. Мы признаем Иисуса Христа, Мессию и Богочеловека, который по человечеству кровью связан с еврейским народом и который прежде всего

пришел и чадам дома Израилева и который нас сделал новым Израилем, Израилем духовным (Гал. 3, 26-29; 6, 15 сл.; Рим. 2, 28 сл.). Как же Израиль по плоти отделен от Израиля по духу? Неужели же два Израиля? Нет: или мы, христиане, — избранный народ Божий, Израиль, или — евреи*). Этот факт в современном европейском сознании затмлен тем, что западное христианство отпало от Православия и распалось на ряд исповеданий и сект. Таким образом ослабело сознание единой истинной веры, «единого рода христианского», — и вместе с ростом периферии, религий человечества и разных теософий и вместе с усиленным взаимообщением разных религий — христианство стало восприиматься, как одна из них. Наступила эпоха relativизма, внешне устранившего, но не преодолевшего антисемитические тенденции, которые были ослаблены и тем, что ослабели органические силы культуры, а симптомы ее упадка принимались за ее идеалы**). Тем не менее соперничество существует и должно прежде всего быть осознанным. И заметим еще одно: западное христианство само интернационально и отвлеченно, а религиозно-культурное еврейство конкретно-национально, этим одинаково отличалась и от него и от своей собственной периферии.

Существенно по иному должно, на мой взгляд, обстоять дело в России-Евразии. — Православие глубоко национально, но и возвышается над ограниченностью всякой отдельной национальности, будучи самим и единственным вселенским христианством. Православная Церковь есть соборное единство всех православных национальных церквей,

*) Религиозное соперничество с евреями, будучи неправильно переносимым в сферу отношений к еврейской периферии, приводит к чудовищным выводам. — Исходя из религиозного (!) упования еврейского народа(!) на победу его веры, приписывают это упование ассимилирующемуся (т. е. отрекающемуся от еврейского народа!) еврейству; и, опознавая интернационализм и материализм второго, приписывают их (еще с меньшим основанием) религиозному еврейству народу, как стремление к «власти над миром». Здесь, в этой элементарной ошибке, — главный источник бредовых идей о «еврейском заговоре», «сионских мудрецах», «жидомасонах» и т. п. Помогают же ошибке указанное нами религиозно-культурное единство евреев, от'единяющее и об'единяющее их и способствующее «однородным реакциям», своеобразному автоматизму, и некоторые черты самой еврейской религии, особенно — ее конкретность и связанность со всем еврейской культурой.

**) Мы считаем «антисемитизм» одним из самых отрицательных явлений. Но возьмем его как симптоматический факт. Тогда окажется, что ослабление его в современной Европе — признак ее совершенствования, а упадка европейской культуры. Его наличие в России, наоборот, свидетельствует о здоровье русской культуры. Там же, где есть здоровье, есть возможность действительно преодолеть антиеврейство, а не просто о нем забыть. Вот примечание, очень благодарное для клеветников.

среди которых есть и первенствующая, упомянем — русская. Поэтому Православию одинаково чужды и западный интернационализм и западный (католический) прозелитизм. Оно не стремится к тому, чтобы римское католичество или германское протестанство вошли в одну из уже существующих православных церквей, но к тому, чтобы, отмежав т о л ь к о свои заблуждения, они восстали, как римская и германская православные церкви, в соборном единстве Церкви Православной являя многообразную лепоту Тела Христова. Но, с другой стороны, Православие и не предоставляет, подобно еврейству, иные веры и иные исповедания их собственной участи; активно, хотя путем любви, а не путем принуждения, оно стремится к тому, чтобы и они, оставаясь собою, из себя самих свободно стали православными*).

Так и в отношении к народу еврейскому. Он — исконный и вечный враг Православия. Но нам сказано: «любите врагов наших», и у нас нет и не должно быть другого средства борьбы с ним, кроме любви. А любовь не внутреннее чувство, не бездеятельное прекраснодушие, а во все проявляющаяся действенная сила. Признак истинной любви в том, что она активна и плодоносна, в том, что она бескорыстно стремится к благу любимого. В чем же благо еврейского народа, как не в обращении его ко Христу? Православие и стремится к тому, чтобы еврейский народ обратился в Православие, но свободно и себя сохранив. Идеалом Православия должен быть, по моему разумению, еврейский народ, как православная еврейская церковь, дабы отдельные, разрозненно живущие обращавшиеся ко Христу евреи в Православной Церкви нашли, наконец, и эмпирически свой еврейский народ, от которого ради Христа они оторвались. Последняя цель не в обращении отдельных евреев, отнюдь не в том, чтобы свести такими обращениями на нет еврейский народ, но — в обращении самого ветхого Израиля. «Многие придут с востока и запада и возлагут с Авраамом, Исааком и Иаковом» (Мф. 8, 11), и из камней может Бог создать чад Авраамовых, — но — «Я послан, сказал Иисус, только к погибшим овцам дома Израилева» (М. 15, 24); учеников же Своих Он наставлял: «идите, наилаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф. 10, 6). Полагаем, что завет Христа и к нам относится и что «ожесточение произошло в Израиле отчасти», до времени (Рим. 11, 25), и, по слову апостола (Рим. 11, 26), надеемся, что «весь Израиль

*). Указания на проявлявшиеся и у православных народов попытки насилиственного в самом широком смысле этого слова обращения иноческих и инославных противоречат существу Православия и не являются актами Церкви, которая свята и к мерам внешнего принуждения не прибегает. Насилие всегда грех, грех же свойственен человеку, хотя бы и иерарху церковному, но не Церкви.

спасется», т. е. станет народом — особою церковью Божьею, церковью ап. Иакова, венчающей Православие. Знаем, что «все во Христа крестившиеся во Христа облеклись» и что в Церкви «ни ни иудея, ни язычника..., ибо все... — одно во Христе Иисусе» (Гал., 3,27 с.). Но значит ли это, что в ней имывают и эллинов и иудеев? что у эллина отнимается его эллинство, а у иудея его иудейство? Нет, не значит, ибо эллинство и иудейство теряют в Церкви только свою ограниченность: они не уничтожаются, но и преображаются. И если Церковь осудила древних иудео-христиан, так не во имя абстрактного универсализма, но потому, что отвергала упорствование их в своей ограниченности.

Думаю, что должна быть церковь еврейская, так же, как есть церкви русская, греческая, болгарская, сербская, румынская и как должна быть германская и должна снова быть римская, все — одна соборная и вселенская, Православная Церковь. Мы не имеем религиозного права забывать о евреях и прикрывать свое нерадение лицемерными обвинениями. Ибо, если отцы их Христа распинали, так мы не в меньшей степени и теперь Его распинаем. Однако обращение еврейского народа ко Христу может быть лишь его свободным обращением, ибо иначе оно не обращение, а принуждение, равно разлагающее и того, кто принуждается, и того, кто сдается на принуждение. Здесь с нашей стороны не может быть ни малейшего насилия, но — только любовь, которая «долготерпит, милосердствует..., не превозносится, не гордится..., не ищет своего..., всему верит, на все надеется, все переносит» (I Кор. 13, 4). Так и соперничество преображается любовью в твердую и долготерпеливую веру во спасение еврейского народа, без чего и мир не преобразится. Ибо, с религиозной точки зрения, судьбы мира связаны с обращением евреевства ко Христу.

В России Православие и еврейский народ резче противостоят друг другу, чем еврейский народ противостоит христианству на Западе. Но «столкновение» происходит в России на религиозной и общей почве. Еврейство родственнее и роднее Православию, чем западному христианству. Очертим еще раз эту общую почву. — Как еврейский, так и русский народ существенно религиозны и устремлены к торжеству каждый своей веры. И если Православие хочет свободного обращения всех ко Христу, не насиلاя индивидуально-национального, то еврейству в общем чужд дух проповеди. Православие соборно (— кафолично), но идея соборности является христианским просветлением в еврейской идее Израильского народа (*Kahal'a*). Поэтому еврейство существенно национально, а Православие сохраняет все национальное в соборном. Поэтому же и Православие и еврейство национально-конкретны, стремясь

пронизать религиозным в сю жизнь. Здесь об'яснение своеобразного сходства между еврейством и русским староверием, как и перехода русских людей в еврейскую веру (ересь жидовствующих, «субботники» и жидовствующие на юго-востоке России, частью среди казачества). Конкретностью же религиозности об'ясняется значение и сила в Русской Истории социальных идеалов и нравственных идей, что прослеживается даже в крайних извращениях революции и опять таки сближает нас с евреями. Само русское миссионство во многом родственно миссионству еврейскому. С другой стороны, в среде русского еврейства мы встречаемся со многими явлениями, родственными русской религиозности. Сюда относятся распространение хасидизма, «еврейские старцы» — цадики, увлечение русских евреев русскою религиозною философию (славянофилами, Достоевским, к сожалению и Вл. Соловьевым), своеобразное слияние этой философии с мистическими идеями Каббалы и многое другое.

Нельзя, мне кажется, считать историческую случайностью давнюю, даже исконную связь русского народа с еврейским. Она началась с хазар (ср. легенду о крещении св. Владимира), усилилась вместе с расширением русского государства и поставила «еврейский вопрос» во всей его широте. Правда, сожительство русских с евреями было исключительно для евреев тяжким. Онтологическое соперничество, неизбежное и должное, выродилось в грубый антисемитизм и еврейские погромы. Но, во всяком случае, антисемитизм не был характерным явлением для русской интеллигенции и для русского, по крайней мере — для великорусского народа. Его преимущественная территория — юго-запад России, где, правда, сосредоточилась и главная масса евреев. И не следует смешивать с антисемитизмом дурию привычку русского человека позубоскалить над евреем или поругать «жидов». Конечно, есть в отношении русского к еврею оттенок некоторого превосходства, может быть, даже пренебрежения; но ведь и какойнибудь местечковый еврей на своем языке (так называемом жаргоне) говорит об умершем христианине «околе», ведь хороший религиозный еврей тоже смотрит на христианина несколько свысока, в сознании своего превосходства. Таким образом взаимность обид дело может быть прекращено. С обеих сторон все это вполне понятно, естественно и даже неизбежно, ибо православный и еврей — соперники, оба убежденные в единственном значении и превосходстве своей веры и своей культуры.

Выдвигая близость еврейской религиозности к Русскому Православию, я вовсе не хочу смягчать принципиальное их различие и застилать их трагическое столкновение успокоительной идиллической картинкою. Религиозный еврей (даже — что тоже маловероятно — если он признает Троичность

Бога) не может признать воплощение Бога во Христе Иисусе, как в единичном человеке. Сама мысль об этом представляется еврею кощунственной. Для него недопустима та благодатная, но и страшная близость человека к Богу, которую исповедует Православие, как основу знания, жизни и бытия. Бог для еврея трансцендентен, соединен с человеком только «заветом»; и даже имя Божие не может быть произнесено. Еврейская религия провозглашает абсолютное разделение человека и Бога и должна быть определена, как «абсолютный дуализм» (конечно, не в смысле двух богов, а в смысле признания как бы одинакового и самостоятельного существования *и в о и х*: Бога и человека). Но такой дуализм с неодолимою необходимостью должен приводить к отрицанию всякого знания о Боге и даже знания о том, есть ли вообще Бог и не существует ли *т о л ь к о* человек со своими *ч е л о в е ч е с к и м и* представлениями и догадками о Боге. Неизбежными следствиями этого дуализма должны быть атеизм и религия человечества или самообожение человека, грех Адама. И поистине трагична судьба религиозного еврея, прирожденного Богобораца. Он должен неумолимо разрушать всякие представления о Боге, всякое Богознание, дабы человеческим не осквернить Божьего, дабы не допустить Боговоплощения. Но, чтобы остаться верующим, он должен героическим и предельным напряжением всего своего существа утверждать бытие Божие, т. е. вечно востанавливать вечно им же самим разрываемую связь с Богом. Говорят о скептическом, все разлагающем духе ассимилирующегося еврейства. Но все это — лишь слабый отблеск внутренней трагедии религиозной еврейской души. Не всегда она была такою, но отвержение Иисуса Христа такою ее сделало, ибо ее сознание и есть само отрицание Богочеловека. И потому не евреям, а нам раскрывается пынне и стиний смысл псалмов и библейских пророков*).

Конечно, еврейская религия — самый сильный и страшный враг-христианства, не сравнимый с язычеством, единственный сильный враг. Ибо еврейство потрясает веру пламенным порывом самой веры; ибо только оно посягает на само основание веры — на Христа Богочеловека. Но именно весь ужас религиозной трагедии еврейства и открывает бездны Богочеловеческой любви. Вот почему наша последняя цель и наше драгоценнейшее упование — в обращении еврейского народа ко Христу, в восстановлении православной еврейской церкви, как самого и всего еврейского народа. Наш религиозный долг — в том, чтобы направить на осуществление этой цели все наши усилия. Однако, допуская только с *в о б о д н о е* обращение

*.) Основными чертами религиозности еврейской легко обяснима специфичность еврейства ассимилирующегося. К сожалению, здесь я на этом останавливаться не могу и вынужден предоставить развитие моей мысли читателю в качестве полезного диалектического упражнения.

ко Христу и понимая это обращение лишь как следствие свободного и нормального саморазвития, мы считаем всякие, хотя бы и косвенные и малейшие меры принуждения в самом существе ошибочными, не приводящими к цели, а уводящими от нее, т.е. непрактическими, и, во имя самой свободы Христовой, самым решительным образом их отвергаем. Единственно с христианской точки зрения допустимо, но и необходимо, единственно целесообразно и практически борьбою с нашим извечным противником может быть только искреннее, бескорыстное и активное содействие его свободному религиозно-культурному саморазвитию. Мы-то, православные, в результатах такого содействия уверены и нашей уверенности ни от кого скрывать не хотим, радуясь тому, что оно облегчено и словно предугадано близостью к нам русского еврейства. Но мы знаем, что евреи смотрят на себя и на нас совсем иначе и что первым следствием нашего содействия будут подъем еврейского религиозно-культурного самосознания и как бы укрепление евреев в их еврействе. Мы готовы ждать, ибо умеем ценить и любить еврейский народ даже в его разномыслии с нами, а «любовь долготерпит». И мы полагаем, что упорство его в отрицании христианства обусловлено прежде всего теми трагическими условиями, в которые было до сих пор поставлено его развитие. Еврейского вопроса, более и первое всего религиозного, не удалось и никогда не удастся разрешить внешним насилием или лукавством. Его не удастся разрешить и на почве торжествующего в Европе релативизма. Но его можно разрешить на основе истинного христианства, на основе Православия.

Только православный народ может разрешить проблему еврейства, ибо только в связи с ним может ее разрешить сам еврейский народ. А с точки зрения трезвой, практической политики самый подход к проблеме в указанном нами смысле оказывается чрезвычайно выгодным и для культуры еврейской и для культуры русской. Ведь рядом с нашим подходом возможны или отрицание религиозного смысла еврейской проблемы, или отказ от всяких попыток ее разрешить, или, наконец, религиозная вражда к еврейскому народу. От религиозно-культурного расцвета еврейства никаких опасностей мы не ждем и сознанию им своего первородства противопоставляем наше православное самосознание.

Религиозно-культурный расцвет еврейского народа прежде всего даст ему силы для национальной концептрации. Это нейзбежденно приведет к тому, что периферия его исчестанет отставать от ядра, как апельсинная корка, и срастется с ядром, втянется в него, вступит

с ним в органическое взаимообщение или — уже в окончательно отединенной части своей — нацело сольется с окружающей культурой. Прекратится или до крайности замедлится и ослабеет процесс ее образования. Итак сама собою исчезнет та потенциальная опасность, которую представляют для нашей культуры ассимилирующиеся евреи и которая иначе, по самой природе своей, непреодолима, ибо потенциальна и неуловима. Конечно, нам могут возразить, что упомянутым на обращение еврейского народа, мы как бы снова открываем цуть процессу ассимиляции со всеми вредными ее последствиями. Мне кажется, что это не так. Во первых, устраняются неизвестные условия, в которых эта ассимиляция до сих пора протекала, что уже не маловажно. Во вторых, упомянутое принуждение и не заманивание. Наконец, мы упомянем не на отдельные обращения, а на обращение народа.

Подозреваем, что недобросовестные критики назовут нашу точку зрения «идеологией черты оседлости» или «идеологией средневекового гетто». — Хотя мы думаем, что гетто и черта оседлости сыграли в сохранении религиозно-национальной самобытности еврейского народа роль положительную, — ни о чем подобном мы, конечно, ни минуты не думаем. Мы полагаем, что русскому еврейству должна быть обеспечена полная свобода религиозно-культурного, скажу — даже политического самоопределения, самосохранения и саморазвития среди других народов Евразии, и при этом обеспечена самым ясным и точным образом. И это уже его дело, хочет ли он сохранять или видоизменять формы своего культурного бытия, которые, мне кажется, благодаря неизвестным условиям развития, нуждаются во многих изменениях. Еврейский народ должен стать равноправным членом евразийской Федерации. Это отнюдь не требует создания для него особой территории, которой у него нет и к созданию которой он не склонен. Пересаживание евреев на землю столь же не соответствует духу современного еврейства, сколь не соответствует ему, по нашему мнению, современный еврейский сионизм, хотя он нас, как русских, пока и в предвидимое ближайшее время никак не касается. Проблема сионизма стала бы и русской проблемой лишь в том случае, если бы в Палестине создался живой и органический центр всего рассеянного по миру еврейства. Тогда бы нам нужна была свободная, а не находящаяся под чьимлибо протекторатом Палестина. Еврейский народ един не единством и целостностью своей территории, а своим исключительным религиозно-культурным единством, свои «Законы», и внешне его определяющим.

Но тут нас ожидает другое возражение. — Подобное решение вопроса, скажут нам, угрожает притоком еврейства из других культур и стран в

Россию и созданием в России новой Палестины. И как можно говорить о включении русского еврейства в сферу Евразии, раз оно—только часть рассеянного по миру единого еврейского народа? Ответим. — Приток еврейства в Россию страшен лишь тем, кто считает еврейский народ уповательно подлежащим истреблению врагом рода человеческого и кто не знаком с историей и не знает ничего о положительной культурной роли, которую еврейский народ уже сыграл в экономическом, социальном и духовном развитии мира. С другой же стороны я сомневаюсь в том, что наше решение еврейского вопроса действительно поведет к усиленному притоку евреев в Россию. Основания моего сомнения будут и ответом на формулированный во второй фразе этого абзаца вопрос.

Еврейский народ — единое и органическое целое. Но всякое органическое целое не однородно, а расчленено на соборно об'единяющиеся частные целия. Так членится и еврейский народ, однако — и в этом его своеобразие и его смысл в истории человечества — сообразно внутреннему сродству между частными его организмами и соответствующими культурами. Есть еврейство, природно родственное миру романской культуры, и есть еврейство, так же родственное миру культуры германской или миру культуры евразийско-русской. Таким образом и получается, что русское еврейство, будучи индивидуацией еврейства, является также индивидуацией культуры евразийской. Эмпирически здесь установимо лишь некоторое «соответствие», — некоторая двуширодность русского еврейства. Теоретически это может быть об'яснено двояко: — или русское еврейство есть еврейство, перерождающееся в народ евразийской культуры, или оно является индивидуацией в сфере еврейства той религиозно-культурной общечеловеческой потенции, которая в христианской культуре индивидуируется, как единство евразийских народов. Я склоняюсь ко второму об'яснению, ярче выражающему значение и религиозный смысл еврейства в общечеловеческом развитии и распространяемому мною, конечно, и на другие индивидуации еврейской культуры. Оно, кроме того, позволяет резко подчеркнуть связь русских евреев со всем еврейством народом, т. е. охранять от всяких теоретических и практических посягательств само существование еврействской религиозной идеи. Практические затруднения, разумеется, будут, но не большие, а меньшие, чем при господствующих пониманиях еврейской проблемы; и лишь мономанам, подделывающим «протоколы сионских мудрецов» или всорующим в их существование, эти затруднения покажутся непреодолимыми.

Не только со стороны русских интеллигентов, но и со стороны многих евреев можно ожидать довольно сильного возражения по существу. Именно, наши противники будут отрицать существование, или, по крайней мере, жизненность, своеобразие и ценность самобытной еврейской культуры. —

То, что кажется ею, скажут нам, не что иное, как искусственный продукт ряда случайных, в конце концов, условий: средневекового гетто, черты оседлости, религиозной вражды к евреям и их вызываемого напором извне стремления сохранить себя через свой обрядовой закон. Ведь у евреев нет, скажут нам, общего им всем живого языка, а попытка снова сделать живым древнееврейский, во первых, встречает сопротивление в самой же еврейской среде и, во вторых, обречена, как искусственная и романтическая, на неудачу. Евреи всегда ассимилировались и всегда легко усваивали язык окружающего мира (испанский, французский, немецкий, русский и т. д.) для того, чтобы сохранить свой лишь в качестве священного. Судьба еврейства в полной его ассимиляции, в полном растворении его окружающими культурами. Этот процесс протекает болезненно, что и сказывается частью в отрицательных сторонах ассимилирующегося еврейства, и медленно, может быть — за последнее время он замедлился еще более (сионизм), но исход его ясен и неизбежен. Перенесенное в сферу проблематики религиозной, подобное выражение принимает, примерно, следующий вид. — Не может и не должно быть никакой «еврейской церкви», ибо смысл еврейской истории с религиозной точки зрения как раз в том и заключается, что еврей должен «оставить отца своего и мать», отречься от своего народа, от себя, как еврея, и, умерев как еврей, ожить, как христианин. Еврейский народ обречен на рассеяние и гибель: в этом его судьба. Распяв Иисуса Христа, он распял своего собственного Мессию, себя самого предал на распятие. Он должен взойти на Голгофу и умереть, как природное, натуральное тело Мессии, чтобы воскреснуть уже не еврейским народом, не народом. Поэтому и ныне еврейский народ не народ и не культура, а — призрак.

Если так, то и разрешение еврейской проблемы лежит на иных путях. Оно заключается в облегчении процесса ассимиляции. Конечно, такое облегчение предполагает решительный отказ от всяких насильственных мер, только задерживающих « обращение », но оно вместе с тем исключает ориентацию на религиозно-культурное еврейство. Его надо предоставить собственной его части («естественной смерти»), не мешая ему, но ему никак и не содействуя, ибо зачем содействовать заведомо безнадежному? С другой стороны, воздействие на ассимилирующееся еврейство оказывается невозможным иначе, как в порядке саморазвития данной (в частности — русской) культуры и ее самозамыкания от еврейства. Это — путь пассивного и недейственного ожидания. Правда, в России (разумея не Россию коммунистическую, а грядущую, евразийскую Россию) в отличие от Европы, для которой такая пассивная установка характерна, еврейству противостоит не секуляризованная и тем обесцожженная культура, а Православная Русская Церковь. В России еврейская проблема остается религиозной даже и с рассматриваемой

точки зрения. Иначе говоря, и в этой постановке еврейская проблема может быть разрешена только Россией, хотя бы интернациональное католичество и казалось евреям на первый взгляд более привлекательным, чем национальное Православие. Тем не менее и здесь приходится тогда отнести к ассимилирующемуся еврейству, как к неустранимому и неизбежному исчезанию. Его существование и даже его рост — тяжелый крест, который надо терпеливо нести и тяжесть которого можно лишь несколько облегчить тем, что ему будет ясно противопоставлен призыв религиозных евреев в лоно русского Православия.

Изложенную сейчас точку зрения считаю принципиально возможной. Она дает другое решение проблемы, согласующееся с традицией. И мне представляется даже, что только дальнейшее развитие может дать о ко ч а т с л ы е аргументы в пользу этого решения или в пользу решения, которое мне кажется более правильным и обоснованным. Укажу лишь на одно. — Наше решение исключает пассивное воздержание, но требует активности, действенной любви к еврейскому народу, как таковому, а не только ко всяко му еврею, как индивидууму. А там, где действенная любовь, там наверное и правда. Ибо дерево всегда по плодам познается.

Развиваемая нами точка зрения встретит, конечно, упреки в утопизме. Но мы уже давно привыкли к нападкам и лепопиманию со стороны наших и даже научно отсталых идеологов единой общечеловеческой культуры и секуляризации. В том мы и видим свою заслугу, что решаем еврейский вопрос по существу и на почве религиозной. Что же касается обвинений в утопизме, так мы ответим на это вопросами. — Ведет ли наш «утопизм» к какимнибудь абстрактным или конкретно неосуществимым мерам? Не оказывается ли он, наоборот, очень реальным и практическим в своих выводах? Исходя из истин Православия, мы нигде не искажаем действительности и не подчищаем ее никаким отвлеченным схемам. Не легко, конечно, на деле преодолеть накопленные веками недоразумения и предрассудки. Но можно и должно настойчиво стремиться к их преодолению. Наш путь верен. Его интуитивно наметил и показал его конкретное значение Лесков в своем замечательном рассказе о митрополите Филарете (Владычный Суд). — Еврей, чтобы освободить своего единственного сына от рекрутчины, нанял на последние деньги заместителя ему, другого еврея. А тот, забрав плату, заявил о своем намерении креститься, чем аннулировался весь договор. По закону помочь старцу еврею было невозможно. Но владыка Филарет решил дело быстро и просто, признав обманщика «недостойным св. крещения». И что же? Через некоторое время крестился сам старик-еврей.